

Отзыв

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08: Батболд Г. Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии. Омск: Омская академия МВД России, 2018. - 228 с. (с прилож.)

Внешнеполитическое положение Российской Федерации непрерывно осложняется. Одной из причин этого выступает отсутствие у нашего государства достаточного числа надежных союзников и партнеров на международной арене. Одним из исключений является Монголия.

История взаимоотношений наших народов насчитывает не менее восьми веков. Начавшаяся кровопролитным противостоянием, она постепенно эволюционировала к тесному идеологическому, политическому, военному, экономическому и культурному союзу, расцвет которого состоялся в недавно истекшем XX веке. Советская Россия (а потом и СССР) была гарантом суверенитета Монголии. Достаточно сказать, что вплоть до окончания Второй Мировой войны только Советский Союз признавал независимость монгольского государства. В ответ МНР оказала огромную (учитывая небольшую численность населения) продовольственную, вещевую, сырьевую, гужевую, финансовую и людскую помощь в борьбе с гитлеровской Германией, ее многочисленными сателлитами на западе и милитаристской Японией на востоке.

Давно развиваются плодотворные научно-педагогические связи российских и монгольских юристов. Однако деградация юридического образования в современной России привела к тому, что подавляющему большинству ученых, педагогов и учащихся мало что известно о монгольском уголовном и пенитенциарном законодательстве и практике его применения. Настоящий труд в известной мере восполняет этот пробел.

Большинство положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в настоящей рекомендации являются обоснованными и достоверными, поскольку они сформулированы на обширной и разнообразной нормативной базе с привлечением достаточного количества научных источников на русском и

монгольском языках с использованием надежных методов исследования. Вполне репрезентативна эмпирическая база исследования, включающая, помимо официальных источников, результаты анкетирования 300 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Монголии и 100 сотрудников этих учреждений (с.9). Отрадно, что на эти сведения автор ссылается затем в тексте работы, используя в качестве аргументов в отстаивании своего мнения по затрагиваемым проблемам (с. 51, 53-54 и др.). То же можно сказать о полученных лично соискателем данных опроса членов Общественной наблюдательной комиссии и Общественного совета УФСИН по Омской области (с. 131-132 и др.).

Отличаются существенной научной новизной и заслуживают поддержки большинство положений, вынесенных непосредственно на защиту. Это касается, прежде всего, положений с порядковыми номерами 1, 3, 4.2, 4.3, 4.5, 5.1 и 6.1 (с. 10-14).

Основные достижения диссертанта апробированы на представительных международных и всероссийских научно-практических конференциях, проводившихся как в юридических вузах Омска, так и Университета правоохранительной службы Монголии (с.15).

Они опубликованы в виде девяти научных статей на русском и монгольском языках, четыре из которых — в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки РФ (с. 22-23 автореферата).

Полученные результаты уже внедрены в научный, педагогический и правоприменительный процессы в Монголии и России (с. 15). Смеем надеяться, что они попадут и в поле зрения российского и монгольского законодателей.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что диссертация и автореферат, дающий адекватное представление о ее содержании, написаны хорошим литературным языком, практически лишены грамматических, орфографических и стилистических погрешностей и аккуратно оформлены.

Говоря более конкретно о достоинствах настоящего труда, следует отметить

следующее.

В историческом очерке эволюции правового статуса осужденных в названных выше странах автор возвращает в научный оборот полузабытые сведения о ряде нормативных актах, в том числе Положении об общих местах заключения РСФСР 1920 г., которое придавало определяющее значение корыстному характеру совершенного деяния (с. 24), а также Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР 1939 г. (с. 25).

Важной заслугой соискателя является развенчание устойчивого мнения о несамостоятельности правовых систем стран социалистической ориентации (в том числе МНР) и об их чуть ли не полной зависимости от советского (прежде всего российского) законодательства (с. 30-31, 38).

Еще в большей мере суверенность монгольской правовой системы характерна для современного периода. В доказательство приводятся такие факты, как отсутствие в монгольском уголовно-исполнительном законодательстве норм об удержании из пенсий осужденных (с. 68), упрощенном порядке расторжения брака с лишенными свободы (с. 71), их праве на ежегодный оплачиваемый отпуск (с. 75), возможности посещения председателем и членам Комиссии по правам человека посещать ИУ без предварительного на то разрешения (с. 118), запрете цензурирования переписки осужденных с адвокатом за некоторыми исключениями (с. 159) и др. При этом автор не ограничивается констатацией этих и других пробелов, необоснованно ухудшающих положение лишенных свободы, а предлагает законодателю свои нормативные рецепты (с. 11-14, 159, 182 и др.).

В то же время он прямо или косвенно адресует соответствующие рекомендации и российским правотворческим органам. В частности, это касается права на свободу творчества с разумными его ограничениями (с. 71), запрета на освобождение по болезни в случаях намеренного причинения себе вреда самим осужденным (с. 92), возможности близкому родственнику находиться у постели осужденного, находящегося в тяжелом состоянии (с. 163-164, 182) и др.

Трезво оценивая экономическое состояние и другие особенности России и Монголии, автор справедливо отмечает невозможность полного восприятия западных стандартов обращения с осужденными (с. 48-49, 51-52, 58, 177). При этом он обоснованно поддержал мнение одного из официальных оппонентов о том, что «переход на тюремную систему содержания будет означать ухудшение положения осужденного и дегуманизацию условий отбывания наказания» (с. 33). Вышесказанным объясняется тот факт, что «переход от колонийской к тюремной системе в России остановился» (с. 35).

Значительный интерес представляют сведения о количестве неграмотных среди *взрослых* монгольских осужденных (с. 169, 174, 181), что в известной мере характерно и для российских граждан, прежде всего с отклоняющимся поведением.

Справедливым следует признать упрек соискателя в отношении нарушения российским законодателем принципов прогрессивной системы отбывания лишения свободы (с. 110-111, 113-114, 179), которое лишь частично устранено недавно принятым Федеральным законом от 16 октября 2017 г. № 292-ФЗ (с. 110).

Наконец, в диссертации содержатся принципиально важные для России сведения о введении в Монголии пожизненного лишения свободы для женщин (с. 104). В нашей стране отчетливо проявляется тенденция усиления общественно опасной активности девушек и женщин разных возрастов, в том числе в виде совершенных терактов, убийств при отягчающих обстоятельствах, бандитизма, наркотрафика и ряда других особо тяжких преступлений.

Настоящее исследование обладает и другими достоинствами, на которые, как можно надеяться, обратят внимание иные оппоненты и рецензенты.

Вместе с тем диссертация не свободна от некоторых спорных положений и упущений. Остановимся на основных из них.

1. Соискатель (вероятно по настоянию научного руководителя) избрал очень ровную, подчеркнуто уважительную к мнению иных специалистов форму подачи материала. Он избегает сколь-нибудь острой полемики, сглаживает противоречия

в подходах к статусу лишенного свободы. Однако такая дипломатичность, как и всякая крайность, наряду с положительным, несет в себе негативный заряд.

Наиболее рельефно это проявляется в освещении такого концептуального положения, как отнесение прав и свобод человека к высшей, абсолютной ценности (с. 3,44, 115, 128, 164 и др.). При этом диссертант не задается простым вопросом — о чьих именно правах идет речь. Что называется «за кадром» остаются права потерпевших — искалеченных, изнасилованных, обворованных, униженных и оскорбленных законопослушных граждан.

Презюмируется, конечно, что их интересы выражает государство в лице следственных, прокурорских, судебных и пенитенциарных структур. Но правда жизни заключается в том, что государству в ряде случаев выгоднее защищать интересы преступников нежели их жертв.

В диссертации лишь констатируется, но никак не объясняется невиданное ранее снижение количества осужденных к лишению свободы «как в России, так и в Монголии [...] до исторического минимума» (с. 155). На наш взгляд, это никак не обусловлено криминологической картиной российской и монгольской преступности, а лишь является реверансом перед западными и внутренними либералами, которые, как наглядно свидетельствуют события 2017 — начала 2018 г. г. кровно заинтересованы в ослаблении российского суверенитета и обострении общественных антагонизмов. Ведь необоснованное оставление преступников на свободе приводит ко все более разнузданному их поведению (это относится, кстати, не только к общеуголовному элементу, но и к так называемым «белым воротничкам» - казнокрадам, взяточникам, производителям некачественных товаров и услуг и т. п.).

Обрисованная проблема имеет и четко выраженный прикладной аспект. В работе достаточно много говорится об общественном контроле за исполнением и отбыванием лишения свободы (с. 127 — 134 и др.). Но этот контроль почему-то имеет одну цель — обеспечить «охрану достоинства личности, защиту гражданина от жестокого и унижающего обращения с ним» (с. 128). Но почему

общество лишено возможности реагировать на необоснованное ослабление карательно-воспитательного процесса, расцвет в некоторых исправительных учреждениях коррупционного сращивания заключенных и администрации, наконец продолжения частью осужденных противоправной деятельности как внутри мест лишения свободы, так и *вовне* (прежде всего за счет использования мобильных средств связи)?

Почему бы в этой связи не наделить потерпевших (или их законных представителей) правом посещения колоний и тюрем, дабы они могли воочию убедиться в должном карательном воздействии на своих обидчиков? Почему законодатель не связывает условно-досрочное и иные виды освобождения с их мнением?

Именно такие вопросы, по нашему убеждению, должны стать предметом исследований, что повысит интерес власти и общества к ним.

2. Развивая первое замечание, следует оспорить безоговорочное одобрение норм, которые содержатся в ст.100 УИК РФ и ст. 202 Закона об исполнении судебных решений Монголии, позволяющие совместное проживание осужденных женщин с их малолетними детьми (с. 86-87). Дело в том, что в младенческом возрасте, когда ребенок находится как бы в «беспамятстве», бурно и непрерывно протекает его социализация. Ясно, что общение с матерью, совершившей очень серьезное преступление (а зачастую и их серию), погружение в тюремную обстановку не может пройти для ребенка бесследно. Обращает внимание, что монгольский законодатель гораздо более озабочен этим, устанавливая срок такого сожительства в два года, тогда как УИК РФ закрепляет трехлетний период (с. 86).

Не нашел критической оценки и лицемерный, на наш взгляд, запрет проводить опыты с участием осужденных *независимо* от их согласия (с. 33). Это явно диссонирует с ужасающими данными о смертности в местах лишения свободы: скажем, в России в 2016 г. 749 осужденных скончалось еще до начала рассмотрения их ходатайства в суде, а 119 умерло до вступления в силу постановления об их освобождения по болезни (с. 150). Не случайно целых 54,4%

осужденных в Омской области, подавших в 2015 г. жалобу в региональный УФСИН, связали ее с неудовлетворительным обеспечением охраны их здоровья (с. 152), а среди опрошенных в том же году монгольских осужденных 32% заявило, что медпомощь они не получают вовсе, а 43% - получают ее лишь «в какой-то степени» (с. 160).

Почему бы, естественно на добровольной основе (а степень этой добровольности должны определять надзирающие и контролирующие органы, в том числе общественные), осужденные не могли бы участвовать в апробации лекарств, аппаратуры и лечебных методик ради спасения своей жизни или хотя бы стабилизации собственного здоровья?

3. В диссертации лишь упоминается (с. 102) постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2015 г. №24-П о наделении осужденных к пожизненному лишению свободы правом на длительные свидания. На наш взгляд, оно подрывает предназначение такого наказания стать альтернативой смертной казни.

Уже сейчас в России значительное число пожизненно осужденных отбыло 25-летний срок и это число будет неуклонно нарастать впредь. Многие из них отнюдь не утратили своей общественной опасности. Законодатель должен взвешенно подойти к этой проблеме. Вместо этого он усиливает коллизии в правовом статусе особо опасных преступников. Скажем, осужденные по совокупности приговоров за половые преступления против несовершеннолетних, тяжкие и особо тяжкие преступления в сфере незаконного обращения наркотиков и преступления террористического характера в случае назначения им предельного срока в 35 лет подлежат условно-досрочному освобождению *позже*, нежели осужденные пожизненно.

Поэтому следовало дать научную оценку данным и аналогичных противоречий правового положения такого рода осужденных.

4. Среди достаточно обширной библиографической базы настоящего исследования обнаруживаются досадные лакуны.

Так, вне поля зрения соискателя оказались монография: Минсафина С.Н. Правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Самара, 2011; и учебное пособие: Нарышкина Н.И. Обеспечение правового положения осужденных в деятельности уголовно-исполнительной системы. Владимир, 2010. Важно, что эти работы изданы в профильных юридических институтах ФСИН России.

Та же участь постигла обширную главу «Правовое положение осужденных», авторами которой выступили известные пенитенциаристы — Ю.М. Антонян, Ю.А. Кашуба, В.Н. Орлов, А.П. Скиба и вышеупомянутая С.Н. Минсафина (см.: Курс уголовно-исполнительного права. В 3-х тт. Том I. Общая часть. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. С. 198-253).

Еще более значимым пробелом является незнание автора научно-теоретической модели нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ глава четвертая которого (ст. ст. 34-50) называется «Правовой статус осужденных, отбывающих наказание и иные меры уголовно-правового характера» (см.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под. ред. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. - 328 с.).

5. Погрешности имеются и в нормативной базе диссертации.

Так, важнейший законодательный источник — УИК РФ в списке литературы значится в редакции ФЗ от 16 октября 2017 г. (с. 184). Однако воспроизведенный в тексте п. «б» ч. 5 ст. 131 этого Кодекса дается в прежней, уже не действующей редакции (с. 102). Что же касается еще более свежего закона — ФЗ от 20 декабря 2017 г. № 409-ФЗ то он опущен вовсе, хотя принятый в тот же день ФЗ от 20 декабря 2017 г. №410-ФЗ, значится как учтенный (с. 186).

Еще в более устаревшей редакции обозначены УК, ТК, СК РФ (с. 184) и Федеральные законы РФ «О политических партиях», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации», «Об общественном контроле за

обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» и др. (с. 185).

Та же судьба постигла важнейший подзаконный акт — Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (с. 186).

Выявленные несовершенства несколько снижают теоретическую и прикладную ценность рассмотренной работы. Однако они отнюдь не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Обеспечение прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Российской Федерации и Монголии» является законченным научно-квалифицированным исследованием актуальной и малоизученной в сравнительном плане уголовно-исполнительной проблемы, в целом соответствующей требованиям Положения о присуждении ученых степеней утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842 (в редакциях последующих постановлений), а Батболд Галдабрах, как ее автор, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук.

Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент

профессор кафедры уголовного прав

Российского государственного

педагогического университет

им А.И. Герцена

доктор юридических наук

профессор

Милюков Сергей Федорович

25 марта 2018 г.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург,

Наб. реки Мойки, д. 48, корп. 20

тел. +7(812)312-99-10

E-mail: dikopoleSF@gmail.com

[https:// www.herzen.spb.ru](https://www.herzen.spb.ru)

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

Отзыв С. Ф. Милюкова заверяю:

Проректор по научной работе

удостоверяю «26» 03 2018 г.

Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

Ведущий специалист по кадрам
отдела персонала и социальной
работы

А.А. Пригорьева

